

ЮРИЙ МАКСИН

ОДНАЖДЫ

Однажды в смертельной метели
решил я продолжить свой путь.
А мимо машины летели,
не в силах уже тормознуть.

За чем вы спешите, родные?!
Печально. Куда ни пойду,
не тройки летят удалые —
машины в угарном чаду.

Что двигало мною, не знаю.
Но что-то порвалось навек.
Наверное, в поисках рая
уходит в метель человек.

Всё дальше — от резкого света,
от шума, от всей суеты,
не зная, но чуя, что где-то
к любви не сгорели мосты.

Не надо — шальной карусели!..
Метель успокоилась вдруг.
Машины, как пули, летели.
Снежинки летели, как пух...

Летели... Летели...
Снежинки летели, как пух...

ДРУГИЕ ГОРОДА

Я бывал в городах, незнакомых совсем.
Я бывал в городах, возведённых во сне.
В тех старинных, почти деревянных —
избяных, слюдяных, филигранных.

Кто сплетал кружева этих улиц, мостов?!
Я их трогал руками, был плакать готов.
Так всё крепко, надежно и пахнет судьбой
не украденной, не подменённой — родной.

Слобода кузнецов, слобода рыбарей...
Лента башен и стен, и княгиня на ней,
осиянная светом, как Божия Мать,
ей далёко видать и далёко сиять.

Я бывал в городах, я бродил невидим,
словно тень, словно тать, а хотел быть своим.
Я кричал и метался во снах, как в бреду,
думал, снова дороги сюда не найду...

Мне в тяжелые дни, чтобы петь, чтобы жить,
посылает судьба путеводную нить —
чтоб, восстав ото сна, я и верил и знал —
это в русском раю я во снах побывал.

г. Устюжна

ЛЕОНИД ГУРЧЕНКО

ПУСТЫННОЖИТЕЛИ

Леденящая
синева октября,
под ветром солнечного света
волнуется жёлтая зелень деревьев —
плач журавлей несут скорбные крылья.

Настоящая
перелёта волна
плывёт за волною подряд.
И растеклась у всех в глазах
подземным океаном потопного крика.

Но с ветром,
величая землю плачем,
дождались собратьев, разбились
на клинья.

Из Белоруссии —
так женщина усилила
смятение моё —
летят.

Чтобы проснулись мы,
летят и кричат: два жезла силы добыли
словене и кривичи —
русский меч и русский крест,
стяжали славян себе
под русский стяг.

ЕЛЕНА МУКОВОЗОВА

ВЫ ЗНАЛИ ТОЛК В РАБОТЕ И В БОЮ

На кладбище забытых кораблей
В песок уткнулись их тела стальные —
В былые дни хозяева морей:
Торпедный катер, сейнерок, иные.

Давно не слышно рокота винтов.
Тех кораблей истерзанные туши —
Как стадо обезумевших китов,
Что в одночасье бросилось на сушу.

Лишь стаи птиц хозяйничают там,
Да ветерок посвистывает в трюмах,
И ржавчиной покрытые борта
Глядят на солнце тускло и угрюмо.

Вы знали толк в работе и в бою —
Морские работяги и солдаты.
На берегу притихшая стою,
Как будто перед ними виновата...

г. Владивосток

ПЁТР ГЕРАСИМОВ

НЕПОГОДА

Две недели в плену у дождей и ветров.
Хлещут в стекла косые, холодные струи.
За стеною гудят тополиные струны,
И напев их и страшен, и буйно-суров...

Пляшут в группке кровавых огней языки,
И с того по избе расплывается нега...
Я живу в роли белого, доброго негра...
Как и все в деревеньке моей мужики...

Путь наш короток: лес, огород и река;
Иногда вырываемся в сёла да в город.
А встречаясь друг с другом, стоим в разговорах
Или где-то сидим на плешине пенька...

А теперь вот сидим в заточеньи дождей,
В окружении ветров, гудящих в деревьях.
Очень мало осталось нас в малых деревнях,
Стариков-доходяг и старух-ворожей...

Мы живём, не торопимся: некуда мчаться,
Да и ждать уже некого, — всех пережили...
Мы России Великой бойцы-старожилы,
Нам привычно любые невзгоды встречать...

За стеной и в трубе непогода гудит.
Так и в жизни гудела всю жизнь непогода...
Бережёт нас красивой отрады природа,
И луна неотступно за нами глядит...

*Тамбовская область,
д. Марьино*

ВИКТОР ПАСТУХОВ

СПИРАЛЬ

В суждениях своих мы совпадаем редко,
не зная наперёд, где правда, где обман.
Он говорит — судьба, ты говоришь — рулетка,
а я хочу понять, кто крутит барабан.

Доходит человек до крайности, бедняга,
меняя кривизну и фокусы зеркал.
Он говорит — беда, ты утверждаешь — благо,
а я пока в себе ответ не отыскал.

И копий, и щитов искрошено немало,
но время до сих пор не сбросило вуаль.
Ты говоришь — конец, он говорит — начало,
а мне важнее знать, куда ведёт спираль.

г. Владивосток

АЛЕКСАНДР КАТКОВ

* * *

Разрушилась страна,
А я остался цел.
Меня они не взяли на прицел.

Но я с тех пор живу на той войне
С разрушенной страной наедине.

Я до сих пор кричу от немоты:
“Ужель была неправедною ты?”

Ужели ты, пропавшая страна,
Была так непригожа и срамна?

Ну почему тебя не заслонил,
Да с чем я жил, да где я раньше был?”

Я просыпаюсь, до утра курю,
В сырую тьму печально говорю:

“Любимая моя, подай же весть!”
И мне с небес доносится:
“Я здесь...”

г. Кемерово

ВИКТОР ПРОХОРОВ

ДОМОЙ

Ну, вот и всё — закончилась война.
Наш эшелон готовится к погрузке.
Последний спирт из фляг сливаем в кружки
И молча боль и горечь пьём до дна.
Прощай и будь ты проклята, война.

Не близок путь, отмерянный судьбой,
На плёсы детства у плакучей ивы,
Где молят Бога, чтоб остались живы
И поскорей вернулись в дом родной
Мальчишки, опалённые войной.

В полях России ранняя весна,
И мирно небо звёздное искрится.
Но тех, кому не суждено забыться,
Ещё не раз напомнит нам война —
Потом, когда наступит тишина.

Домой — весёлый стук колёс,
Домой — под тень родных берёз.
В душе, израненной войной,
Одно желание — домой.

* * *

Сугробов белизна, капли шорох,
Морозные узоры на стекле
И отчий дом, что издали так дорог,
Он снился мне ночами в Ханкале.
Я видел мать, тепло её объятий
Вдыхал с теплом протопленной избы,
И грозно старый кот шипел с полатей,
Не уступая места без борьбы.
На кухне, обжигаясь крепким чаем,
Степенно толковали мужики
О том, что будут нынче с урожаем,
И удались покосы у реки.
Спасаясь от саднящей в сердце боли,
Впервые не стыдясь горячих слёз —
Я шёл туда, где хлебом пахло поле,
Рукой касаясь белизны берёз.
Уткнув носы в железо автомата,
Мальчишки улыбаются во сне...
Благослови, Всевышний, сон солдата
В короткой передышке на войне.

НИКОЛАЙ ФАЛЬКО

БЫТЬ ДОБРУ!

Трепещут всюду флаги на ветру,
Войны всё дальше горести и беды.
Бушует мой сегодня День Победы.
Отец, ну где же тост твой: “Быть добру!”

Застыли твои руки на груди.
Горит свеча. Вокруг родные лица.
И я кричу: “Отец, не уходи!
Послушай, как поют сегодня птицы...”

Ты видел, как земля горит в огне,
Ты прошагал по ней такие дали...
И я держу, как память о тебе,
Вот эти потемневшие медали.

Сгорает молчаливая свеча,
И твой стакан накрыт кусочком хлеба.
Отец, ну посмотри же на внучат
И на большое солнечное небо.

Как непривычно тихо поутру,
Твоих шагов не слышно в коридоре,
И всё ещё никак не веря в горе,
Я жду — вот-вот услышу: “Быть добру!”

МОЯ МОСКВА

Позабыты песни все застольные,
Слышен дискотеки рев шальной.
Что с тобой, моя первопрестольная?
Почему ты стала мне чужой?

Чистые пруды, почта, Мясницкая...
Я иду, как странник, не спеша.
О, Москва, святая и бандитская!
Где твоя исконная душа?

Я не слышу говора московского,
Всюду — баксы, бары, казино...
Вспоминаю с грустью Гиляровского,
Жившего вот здесь давным-давно.

Нынче злобный бес всюду куражится,
Вот ещё “сел” кто-то на иглу.
Боже! Что случилось с нами? Кажется,
Привыкаем к смерти мы и злу.

Стоны матерей повсюду слышатся,
Не зовут на праздники гостей.
Задыхаюсь я, мне трудно дышится
Воздухом обмана и страстей.

Эх, махнуть бы за кордон и заново
Жизнь начать! Но нет родней земли,
Где поёт про валенки Русланова,
И летят над полем журавли.

г. Москва

ВИОЛА ПОТАПОВА

* * *

“Нам дым Отечества так сладок...” Этот дым
Как облако в прозрачном майском небе.
Как вздох над пепелищем дорогим,
Где рухнул дом родной, огнём изъеден.

Как облако зелёной тишины
Над городом шумов окаменелых,
Как слёзы непрощаемой вины
Души, когда-то выброшенной телом.

Как дым лесов, снедаемых огнём
Сердец нечистых и ненасытимых,
Как дым крестов сожжённых и знамён —
Как боль веков над миром нелюдимым.

И этот дым стал воздухом моим,
Но пусть он для чужого станет ядом!
“Нам дым Отечества...”. Пусть даже только дым...
Коль в мире места нет другим уладам.

ЯРОСТЬ

Я вижу врага. Среди мирных фасадов
Нет-нет да мелькнёт его алчная пасть.
Он видит меня. Но огня моих взглядов
Ему недостаточно, чтобы пропасть.

Так мирно вокруг. И щебечется птицам.
Никто не стреляет. Не гонит коней.
Лишь я вся горю в ледяной сукровице
Застывшей улыбкой мерцающих дней.

И ярость мне тело наскозь прожигает.
Нет слёз. Там, где сердце — лишь скрежет и дым.
Иду — под ногами трава высыхает.
И скомкано небо дыханьем моим.

Мне рук не протянут. И смотрят со страхом.
И против меня — водопады речей.
От строчек моих выгорает бумага,
А следом сгорает поверхность вещей.

Мой мир, я уйду, чтоб тебе стало легче.
Мне слишком тепло, чтобы греться в толпе.
Вот только б с врагами обняться покрепче —
Сгорим. Чтобы стало теплее — тебе.

ПОД МОСКВОЙ

Они подступают всю ближе и ближе —
Всем телом, всей кровью я слышу шаги...
Удар за ударом... На сердце я слышу —
По самому сердцу шагают враги.

И дух захватило. И члены сковало...
Но глубже и глубже прорвётся чужой.
Удар за ударом... И этого мало —
Мечтают мне сердце размазать ногой!

Но кровь закричит: это всё уже было
У красных последних отчаянных стен —
В тех стенах была небывалая сила —
За гранью размягших разодранных вен...

И так — я не знаю — но все поднимались.
Вставали там все — у последней черты.
Стояли мы — как
Никому
Не стоялось.

г. Барнаул